

АКАДЕМИЯ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. С. ПУШКИНА

БИБЛИОТЕКА
КЛАССИКОВ
УЗБЕКСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Т А Ш К Е Н Т
1 9 5 1

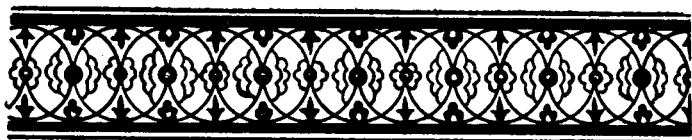
АВАЗ ОТАР

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УзССР

1 9 5 1

АВАЗ ОТАР

Прогрессивный узбекский поэт-демократ Аваз Отар-оглы родился в Хиве 25 августа 1884 г. в бедной семье. С детства он увлекался чтением художественной литературы и особенно любил стихи Навои, Лутфи, Фузули — замечательных узбекских поэтов. Аваз начал писать газели, еще учась в школе.

Во второй половине XIX в. царское правительство России подчинило себе Хивинское ханство. Хивинский хан и его чиновники, крупные землевладельцы и представители духовенства беспощадно грабили крестьян и ремесленников Хорезма, держали их в темноте и невежестве. Многочисленные налоги, поборы и повинности были настоящим бедствием для широких масс населения.

Аваз был свидетелем угнетения трудящихся и отразил его в своих произведениях. Говоря о тяжелой доле трудящихся Хорезма, он восклицал:

Кто на земле несчастней нас и кто слабее нас, народ?
Меч угнетенья на куски тебя рассек сейчас, народ!
Доколе несколько невежд тобою будут управлять?
Доколе будешь ты рабом и слезы лить из глаз, народ?

Такие стихи, естественно, не могли нравиться хивинскому хану Мухаммед-Рахиму II и его приспешникам.

Аваз Отар-оглы написал немало пламенных стихотворений, клеймящих угнетателей трудящегося народа, бичующих прислужников мусульманской религии. Он разоблачает религиозные суеверия, отравляющие сознание народа, выступает против таких обычаев, как соблюдение поста и посещение могил «святых», прямо называя представителей духовенства дармоедами. Когда один из знакомых Аваза, осведомленный об его антиклерикальных настроениях, как-то сказал ему: «Покайся, помолись святым», Аваз ответил: «Святой — это пригоршня земли. Что молиться ему, что не молиться — все едино».

Поэт видел, что во дворце хана царствуют жестокость и разврат, что хан и беки — это паразиты, скружившие себя роскошью за счет безжалостной эксплуатации трудящихся. Сравнивая образ жизни представителей двух противостоящих друг другу классов, Аваз протестует против вопиющего социального неравенства.

Ополчившиеся против Аваза реакционные придворные стихотворцы пытались заглушить смелый голос поэта. Они обвинили Аваза в безбожии, и хан Мухаммед-Рахим приказал избить его. Палачи хана нанесли Авазу двести ударов плетьюми и пытали его до тех пор, пока он не лишился сознания. Затем его объявили помешанным и заковали в цепи.

Сын и наследник Мухаммед-Рахима II Исфендиар был еще более жестоким тираном и развратником, чем его отец. Он предоставил реакционерам неограниченные права безжалостно эксплуатировать трудящихся. Исфендиар-хан и его приспешники жестоко терзали пламенного поэта.

Несмотря на тяжелые испытания, Аваз продолжал клеймить угнетателей. Он попрежнему разоблачал баев, казиев, представителей духовенства и чиновников. Аваз писал:

Чиновникам взятки нужны,
Святошам достатки нужны,
Но разве нам, беднякам,
Такие порядки нужны?

Сравнивая свое положение с положением трудящегося народа, который терпел всевозможные притеснения, поэт с болью говорил:

О, Аваз, как мне не плакать и не печалиться,
Когда над головой бедняков тысячи бед и несчастий?

В другом месте поэт заявлял: «Они могут объявить меня сумасшедшим, издеваться надо мною и наслаждаться, видя мои мучения, они могут даже убить меня, но пока я жив, я не выпущу из рук своего пламенно-звучащего саза. Отнять у меня жизнь — это они могут, но не в их силах отнять мой саз».

Бичуя реакционеров и мракобесов, Аваз писал:

О, вы, что темный фанатизм своим законом сделали!
Народ сравнили вы с землей, испепеленным сделали!
Стал казием один из вас, как муфтий — славится
другой,—
И тот и этот столько зла под небосклоном сделали!
Людей боитесь вы учить, боитесь школы открывать,
Во тьму повергли вы народ, скотом клеймённым
сделали.

Можно с уверенностью сказать, что из всех хорезмийских поэтов того времени один лишь Аваз, в простых по форме и глубоких по содержанию стихах, отразил надежды и чаяния, мысли и чувства народа. Цель своей жизни он видел в верном служении народу. Он понимал, что улемы (представители высшего мусульманского духовенства), муфтии, шейхи и казии стремились держать народ во мраке невежества для того, чтобы легче было его эксплуатировать. В том же стихотворении Аваз заявляет:

Мы истину хотим найти — с пути сбиваете вы нас,
Мой край родной слепым рабом, в тюрьме пленённым,
сделали,

Когда-нибудь проснется мир, и люди спросят, как

Аваз:

— О подлые, зачем народ вы угнетённым сделали?!

В другом стихотворении Аваз говорит о при-
служниках хана:

Враги покушаются на счастье народа, о Аваз,
Ждут — не дождутся подходящей минуты, о Аваз,
Пренебрегая бедным людом,
Они уважают лишь тех, кто сидит на престоле,

о Аваз.

Революция 1905 года придала поэту новые твор-
ческие силы. Обращаясь к народу, Аваз писал:

Когда-нибудь взойдет заря, когда-нибудь прозреет век;
Страданья кончатся твои.

Аваз верил в светлое будущее народа. В своих
стихотворениях, направленных против угнетателей,
он говорил о близости революции, о грядущем на-
казании тиранов:

Унижённых, угнетённых долго ль будешь ты терзать,
Ты, чье имя — притеснитель, насаждающий порок?
Сколько зла ты сделал, столько ты получишь в день
суда,

Будешь ты к ответу призван, и тебя накажет рок.
Не всегда же будет солнце под завесой облаков,
Есть надежда у Аваза: день свободы недалек.

На творчество Аваза, несомненно, оказали влияние стихи предшествовавших ему поэтов, выражавших идеи патриотизма, пламенную любовь к народу. Большое значение для творчества Аваза имело также его близкое знакомство с революционно настроенными русскими трудящимися, проживавшими в те годы в Хорезме. В политических стихах Аваз, говоря о тяжелом положении народа, неустанно призывал к овладению знаниями, к дружбе между народами. В стихотворении «О языке» он писал:

Язык друзей должны мы знать, как свой родной, как
материнский,
В нем кладезь мудрости найдем и пользу для родного
края.
Отправьте вы своих детей к действительно ученым
людям,
В их школах яркий свет горит, все школы мира
затмевая.
Пусть ваши дети проживут счастливей темного Аваза:
По-русски я не говорю, скорбит моя душа немая.

Сам Аваз, кроме родного языка, в совершенстве владел таджикским и азербайджанским; начал он изучать и русский язык. Аваз был одним из передовых узбекских поэтов предоктябрьского периода.

Бесконечные преследования подорвали здоровье Аваза. Он заболел туберкулезом и в 1919 г. умер.

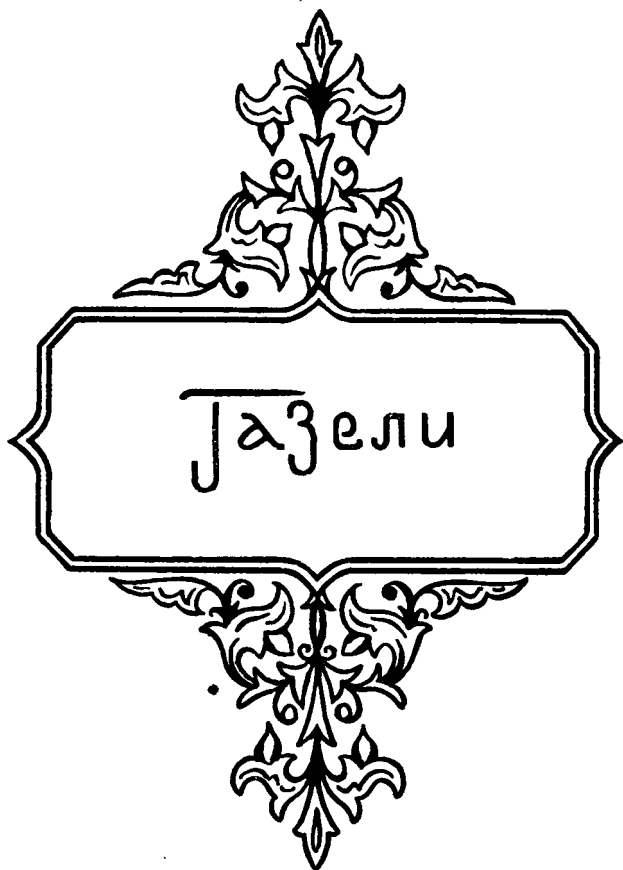
В 1920 г. в Хорезме произошла революция. Народ навсегда избавился от угнетателей, вступил на

светлый путь, ведущий к новой жизни. Под руководством славной партии Ленина — Сталина, при братской помощи великого русского народа осуществились благородные мечты Аваза о просвещении народа. Узбекская молодежь получила возможность учиться в школах, техникумах и институтах. Стихи Аваза часто печатались в газетах, выходили они и отдельными изданиями, композиторы создавали песни на его тексты.

Издаваемая нами книга избранных стихов Аваза предоставит возможность трудящимся многонационального Советского Союза познакомиться с творчеством талантливого узбекского поэта, патриота и просветителя, горячо желавшего счастья своей Родине, своему народу.

Ахмед Бабаджанов

Кто на земле несчастней нас и кто слабее нас,
народ?
Меч угнетенья на куски тебя рассек сейчас, народ.

Доколе несколько невежд тобою будут управлять?
Доколе будешь ты рабом и слезы лить из глаз,
народ?

У притеснителей твоих ни совести, ни чести нет,
Лекарства нет, хотя твой взор уже почти погас,
народ.

Виня во всем жестокий рок, ты умираешь без
борьбы,
Все так же далека та цель, что пред тобой зажглась,
народ.

Твоим правителям чужда забота о родной земле,—
Для проходимцев и воров был жертвой столько раз,
народ!

Народы мира с каждым днем становятся мудрей,
сильней,—
Века на месте ты стоишь, ты в темноте погряз,
народ.

Когда-нибудь взойдет заря, когда-нибудь прозреет
век,
Страдания кончатся твои,—так говорит Аваз,
народ!

Да здравствует свобода, прекрасная, вожденная!
Соединитесь, люди, чтоб раем стала вселенная!

Развеян мрак насилья, возшла звезда
справедливости
И над моим народом она сияет, нетленная!

Единым телом станем, народы разноязыкие,
Светла труда и знания дорога благословенная.

Как братья, вы мне близки, о шара земного
жители,
Дороже для меня вы, чем душа моя драгоценная!

Да здравствуют, свобода, твои борцы и защитники,
Их преданность народу, отвага их незабвенная!

Друзья, благоустроим теперь свое отечество,
Пусть явью светлой станет мечта людей
сокровенная.

Аваз, благослови же год девятьсот семнадцатый:
В нем— будущего песня и радость в нем
вдохновенная.

«Бог — гроза несправедливых», — так учил тебя
пророк,
Почему ж, несправедливый, ты беде народ обрек?

Униженных, угнетенных долго ль будешь ты
терзать,
Ты, чье имя — притеснитель, насаждающий порок?

Сколько зла ты сделал, столько ты получишь в день
суда,
Будешь ты к ответу призван, и тебя накажет рок.

Не всегда же будет солнце под завесой облаков,
Есть надежда у Аваза, день свободы недалек.

О вы, что темный фанатизм своим законом сделали!
Народ сравнили вы с землей, испепеленным
сделали!

Стал казием один из вас, как муфтий—славится
другой,—

И тот и этот столько зла под небосклоном
сделали!

Людей боитесь вы учить, боитесь школы
открывать,

Во тьму повергли вы народ, скотом клейменным
сделали.

Мы истину хотим найти, — с пути сбиваете вы нас,
Мой край родной слепым рабом, в тюрьме
пленным, сделали.

Когда-нибудь проснется мир, и люди спросят, как
Аваз:

— О подлые, зачем народ вы угнетенным сделали?!

О ЯЗЫКЕ

Не ошибаемся, язык душою мира называя:
Для человечества всего он—связь великая, живая.
Старайся, юность, изучить язык чужой, язык
соседа,
Искусством—лучшим из даров — и знаньями
овладевая.
Язык друзей должны мы знать, как свой родной,
как материнский,
В нем кладезь мудрости найдем и пользу для
родного края.
Отправьте вы своих детей к действительно ученым
людям,
В их школах яркий свет горит, все школы мира
затмевая.
Пусть ваши дети проживут счастливей темного
Аваза:
По-русски я не говорю, скорбит моя душа немая.

ШКОЛЫ

Чтоб народ благоустроить, создавайте школы,
Чтоб жилось привольно детям, открывайте школы.

Свет учения развеет горе и заботу,
Вы детей своих с надеждой отправляйте в школы.

Дети — утешенье сердца, будущего зерна,
Как основу нашей жизни, прославляйте школы!

Мать, отец, должны вы детям дать образование,
Будущие поколенья просветляйте, школы!

В час, когда грозит народу ужас вымиранья,
Нашу силу и отвагу укрепляйте, школы!

Прочь унынье, безнадежность! Мы достигнем цели,
Если вы стремитесь к счастью — размножайте
школы!

Высоки, светлы отныне помыслы Аваза,
Говорит он:— Мрак незнанья разрушайте, школы!

Когда народ познает счастье, избавясь от невзгод?
Когда он обретет свободу и двинется вперед?

Пока служению народу себя не посвятим,
Душа народа будет жертвой, вовек не расцветет.

Для блага своего народа пожертвуем собой,
И подобающее место он в мире обретет.

Повсюду школы открывая, умножим их число,
Народу заслужить поможем и славу и почет.

Аваз, не отставай от лучших, от истинных борцов,
Иди путем борьбы — и станет счастливым твой
народ.

Неужели твоя подруга молодая тебе не нужна?
Ты пленен красой нечестивой, а святая тебе не
нужна!

Неужели ты не помотришь на любимую? Правду
скажи:
Неужели луна вдруг стала — золотая—тебе не
нужна?

Почему возле дома бродишь, где возлюбленная не
живет?
Неужели чистая радость — прелесть рая тебе
не нужна?

Почему ты жадно стремишься к сладострастным,
порочным устам?
Ты приди к подруге, скажи ей, что другая тебе не
нужна!

Неужели, жасминогрудой очарованный, ты
ослеплен,
И недавно милая сердцу, дорогая — тебе не
нужна?

Виночерпий, зачем больному ты налить не
желаешь вина?
Или с бедным печальным гостем больше встреча
тебе не нужна?

Ты замолк, Аваз искрометный. И тетрадь твоих
звонких стихов,
Что слагал ты, свою подругу прославляя, — тебе
не нужна!

Ужасные настали времена.
Произрастают злобы семена.

Ожесточаются сердца людей,
Живые чашу смерти пьют до дна.

Скажите мне — где верность, где любовь?
Душа моя тоской удручена.

Так много расплодилось свойств дурных,
Что честность на позор обречена.

Кто благороден — в унижение тот,
А низость в образец возведена.

Паденье нравов вижу я вокруг,
Верна супругу редкая жена.

Аваз, твоя душа полна тоски,
Затем, что дорога вещей цена.

Ушло, исчезло столько трудных лет.
Кто молод был, теперь согбен и сед.

От цели далеки мои друзья,
Моим врагам подвластен целый свет.

Ушли розоволикие навек —
Цвет красоты, очарованья цвет.

Равно в могильный превратились прах
Суровый воин, сладостный поэт.

Еще в живых немало есть друзей,
Но кто их может защитить от бед?...

Наступит скоро твой черёд, Аваз,
Ушло твое здоровье, силы нет.

Полюбить благородных любовью святой —
хорошо.
Им сочувствовать пылко и жить их мечтой —
хорошо.

Если в мире красавицу встретить тебе суждено,
Быть плененным волшебной ее красотой — хорошо.

Если в мире красавица будет к тебе холодна,
Убежать от нее, разлучиться с бедой — хорошо.

Если будет подруга всегда благосклонна к тебе,
Поклоняться ей, стать в ее доме слугой — хорошо.

Если эта красавица будет тебе изменять,
Обратить свои взоры к подруге другой — хорошо.

Коль желаньям Аваза, подруга, навстречу пойдешь
И верна ему будешь ты всею душой — хорошо!

Если славою дурною человека наградят,
Он добудет все, что хочет, станет счастлив и богат.

Если нежная подруга—виночерпий на пиру,
То в ее волшебной чаше обретешь ты горький яд.

Если стать добычей смерти должен ты в конце
концов,
То напрасно влагу жизни пьешь ты много лет
поряд.

Если на любовь султана ты надеяться начнешь, —
Подлость, гнев, насилье, злобу ты найдешь взамен
наград.

Если радость недоступна, — не печалься: все
равно
Лживый мир недолговечен, близок дней его
закат.

Если сокола ручного ты желаешь, — не гонись
За газелью наслажденья, не достигнешь двух
отрад.

Если видишь ты крушенье всех мечтаний и
надежд,
Не сердись, Аваз, подумай: сам ты в этом
виноват!

Увы, мой брат, не вечен этот мир,
Жестокостью отмечен этот мир,

Он вероломен, зол, несправедлив,
Бессилен, бессердечен этот мир.

Подвержен тот превратностям судеб,
Кто посетил, беспечен, этот мир.

Страшись его, разумный человек:
Безумьем искалечен этот мир!

Обидам и мученьям нет конца,
Затем, что бесконечен этот мир.

Забудь о чаяньях своих, когда
Вступил ты, горем встречен, в этот мир.

Аваз, несчастны верные сердца,
Пока бесчеловечен этот мир.

Когда, красавица, с другими ищешь встреч,
Угрюмой ревности меня пронзает меч.

Чтоб счастье мне вернуть, подруга, ты должна
С друзьями новыми знакомства нить пресечь.

Как много я терплю, печальный диванá,
С тех пор, как для меня твоя замолкла речь!

Зачем скрываешься, как пери, от меня,
Скажи мне, как твое внимание привлечь?

Разлукою с тобой убит я наповал,—
Кто вправе грудь мою жестокостью рассечь?

Ты сердцу верному не причиняй обид,—
Страшись возмездия, что может душу сжечь!

В другого влюбишься — погибнешь, как Аваз:
Хочу от гибели тебя предостеречь.

Ты скажи: твои губы—цветник? Я не знаю, не
знаю!
Или райского сада родник? Я не знаю, не знаю!
На щеке твоей родинка—звездочка на небосводе
Или точка на книге из книг? Я не знаю, не знаю!
Ты пришла — и лицо твое светится прелестью
юной.
Иль сияющий месяц возник? Я не знаю, не
знаю!
Твой трепещущий стан с кипарисом в родстве и
шамшадом,
А тюльпан или роза твой лик— я не знаю, не
знаю!
Как рубины — уста твои. Нежный пушок над
устами
Не райхоном ли стал в этот миг? Я не знаю, не
знаю!

О шалунья, глаза твои—это газели Китая.
Или каждый из них — чаровник? Я не знаю,
не знаю!

Если встречу с подругой, Аваз, уподобил ты раю,
Не геенну ль в разлуке постиг? Я не знаю, не
знаю!

Похитительницей сердца я пленен и ослеплен,
В беспокойную пылинку чаровницей обращен.

Я красавицу увидел,—воля вся моя ушла,—
Обвинять меня не надо, если воли я лишен.

Сотни прелестей рассыпав, ты явилась предо
мной,
И лицом твоим, как солнцем, с той поры я
просветлен.

Но поклонников толпою ты всегда окружена,
Я стою, в толпе затерян, вечно робок и смущен.

Разве странно, что я плачу, как печальный
соловей?
Соловей при виде розы издает протяжный стон.

Ты к поклоннику другому на пирушку не спеши,—
Я погибну от разлуки, потому что я влюблен!

Над соперниками должен я кружить, как
мотылек,
А иначе подозреньем буду насмерть я пронзен.

Пред красавицею, сердце, ты раскрой свою казну,
Слух подруги пусть ласкает всех твоих сокровищ
звон.

▼ Среди дороги пыльной, одинокий, я стою,
Уповая, что я буду кипарисом осенен.

Виночерпий, сделай милость, полный кубок мне
налей,
После горечи похмелья пусть наступит вечный
сон.

Если ты, Аваз, учился песни петь у Табиби,
То в стране ты будешь славой песнопевца
награжден.

Вселенной урожай таков: с первоначальных лет—
страданье.
Идет за радостью печаль и за улыбкою—
рыданье.

Ты жаждешь встречи, ты влюблен, ты к
наслаждениям стремишься,
Но знай: разлуку и тоску уже таит в себе
свиданье.

В подруге думаешь найти предел желаний и
стремлений,
Но обретаешь только боль, обиду, разочарованье.

Я современников стыжусь: о, как противны их
поступки,
Как любят попрекать всех тех, кто совершит
благоденье!

Разлука — знаю я заране — меня уььет.
Стрела, что грудь пронзила рая, меня уььет.

Красавица, луной полночной сияя всем,
Стократной ложью обещаья меня уььет.

Я знаю: на пиру заблещет моя звезда,
Но светом краткого свиданья меня уььет.

С медовых уст слетит улыбка, но через миг
Она отравой невниманья меня уььет.

Я вижу, как она с другими нежна, добра.
Уйти бы прочь, но скорбь скитанья меня уььет.

Взглянуть на лик, подобный солнцу, я не могу,
Пылинка я в луче — сиянье меня уььет.

О, как же бедному Авазу не говорить:
«С неверной пери расставанье меня уььет!»

Не знало сердце от любви отдохновенья никогда.
Ты — куст жасминовый, а мне не знать цветенья
никогда.

С тех пор как на голову мне обрушилась беда
любови,
От уз печали не найти освобожденья никогда.

Ах, достигают цели все, я ж незадачливый жених:
С моею целью не достичь мне обрученья никогда.

Как не взмолиться к небесам, творца не осудить,
друзья!

Мне от ниспосланной беды не знать спасенья
никогда.

Увы, влюбленным, как больным, занятия другого
нет,

Как только плакать и не знать успокоенья
никогда.

Не убивайся так, мой друг, любовью тщетной не
томись.

Не должно разума терять нам, без сомненья,
никогда.

Терпи, Аваз, коль цель твоя — из плена знойного
уйти,

Не даст погибнуть от любви долготерпенье
никогда.

Едва лишь возьмет она в руки танбур, —
Рыдает от сладостной муки танбур.

Луна — музыкантша на нашем пиру,
Судьбу мою взял на поруки танбур.

Не струны ли сердца—три звонких струны,
Не вздохи ль души — эти звуки, танбур?

Над розой не так ли поет соловей,
Как вторит стенаньям разлуки танбур?!

Шумит и ликует наш дружеский пир,
С тобой мы не ведаем скуки, танбур.

Зачем же умолк ты, играй нам, воспой
Бровей ее тонкие луки, танбур.

Коль хочешь ты стать музыкантом, Аваз,—
Научит сей трудной науке танбур.

Принеси мне, вестник, ту, что снится, весть,
О жасминогрудой чаровнице весть.

Напоить сияньем я хотел свой взор,—
Не пришла под утро о деннице весть.

О шамшаде стройном горестно томлюсь,—
Не летит от милой легкой птицей весть.

Я, скитаясь, думал: амбры аромат
Принесет о косах светлолицей весть.

Может быть, ты знаешь, где она теперь?
Мне была бы светом в злой темнице весть.

Сколько ни искал я, — тщетно. Не пришла
О жестокоглазой, злой царице весть.

И Аваз подумал: напишу газель, —
О поэте мудром вдаль помчится весть.

Эй, громче ударив по струнам, спой песенку нам,
певец.

Не место печали средь пира, дай радость сердцам,
певец.

В силки своих песен волшебных любовников
замани,
Чтоб стало не жалко с душою расстаться гостям,
певец.

Вина ему дай, виночерпий. Пусть, чашу выпив до
дна,
Поет нам газели. Мы рады певучим стихам,
певец.

Пусть щеки твои заалеют, подобно розам в саду,
Пусть песня твоя понесется к ночным облакам,
певец.

Ты душу зажег мне, играя, ты мертвого
воскресил,
Своею целительной силой ты равен богам,
певец.

Ах, если б на пиршестве этом твоя подруга,
Аваз,
Такую бы песню запела, что смолкнул бы сам
певец.

Подруга юная моя, весь мир твой раб, и я твой
раб.

Грустим, любовь свою тая, — весь мир твой раб,
и я твой раб.

О, пожалей меня, спроси о ране сердца моего.
Живу, потоки слез лия, — весь мир твой раб,
и я твой раб.

Как тень печальная, брожу среди озабоченных
людей.

Ах, не один безумец я, — весь мир твой раб,
и я твой раб.

О, розолика, твой путь — дорога в райские сады,
Ты — тополь над струей ручья, — весь мир твой раб,
и я твой раб.

Ты благородна и добра, так будь же щедрою со
мною,
Рубин и перл — любовь твоя, — весь мир твой раб,
и я твой раб.

С тех пор, как слава о тебе стрелою облетела
свет,
Я ранен жалом остря, — весь мир твой раб,
и я твой раб.

Царица, средь певцов земли есть лишь один
певец — Аваз,
Он знает тайну бытия, весь мир твой раб,
и я твой раб.

Одной капризницы довольно — других не надо мне.
То взор, то поцелуй неожиданный — за боль
награда мне.

Зачем к подругам дугобровым я сердце обращаю?
Стрельчатые ее ресницы от всех ограда мне.

Зачем мне райские деревья, прозрачные пруды?
Мне пальма — стан, а кудри милой — тень и
прохлада мне.

Друзья, вкушайте сладость песен на жизненном
пиру,
Сладкоречивая подруга — одна услада мне.

Что мне зеленые просторы, луга и цветники?
Бутоны уст, ланит шиповник — замена сада мне.

Очей красавицы довольно, чтоб жизнь мою
пресечь,
И не страшна, соперник злобный, твоя засада мне.

Увы, ты затопил печалью поэзию, Аваз!
Ах, не сложить вовек газелей иного лада мне.

О, лучше б не был никогда с тобой знаком
Я, твой поэт, я, твой поэт, я, твой поэт.

Упали на голову мне в разлуки час,
Сто тысяч бед, сто тысяч бед, сто тысяч бед.

Как тысячи людских сердец — одно мое.
Не мил мне свет, не мил мне свет, не мил мне свет.

Разлукой болен, болен я и встречу с тобой,
Лекарства ж нет, лекарства нет, лекарства нет.

К кому бы ты ни подошла — все говорят:
«Добро пожаловать, привет, привет, привет!»

Одним желанием горю: твой стан обнять!
Безумный бред, безумный бред, безумный бред!

К устам Аваза поднеси любви бальзам,—
Сними запрет, сними запрет, сними запрет.

Когда подруга, чьи уста алей вина, возьмет фиал,
Не станет ли еще полней из рук любимой тот фиал?

Я жажду выпить сладкий сок из рук возлюбленной
моей,

Хочу я, чтобы был высок, как вешний небосвод,
фиал.

Пей, друг, чтоб мысль твоя была как чистое
стекло светла.

Когда на сердце ночи мгла, — как солнечный
восход — фиал.

Когда нависнет скорби тьма, есть средство от беды,
друзья,

Я буду пить, пока меня совсем с ума сведет
фиал.

Пей, пей до дна, коль хочешь ты невеждой средь
людей не слыть,
Платоном сделает глупца, ускорит мысли взлет —
фиал.

Не уклоняйся от питья, о смертный, постником не
будь,
Когда красавица твоя с поклоном поднесет фиал.

Но, как же быть тебе, Аваз, когда соперник
дерзкий твой
Твоих восторгов и надежд хрустальный разобьет
фиал?

Своих терзаний не таю, краса моя,
Цепь рабства сам себе кую, краса моя.

Скажи мне, какова цена твоей любви,
В обмен я душу отдаю, краса моя.

Упали на голову мне сто тысяч бед.
Что без тебя мне жизнь в раю, краса моя?

Таких убийственных очей, как у тебя,
Нет ни в каком земном краю, краса моя.

Я обезумел от любви, жестокий друг,
Я сам себя не узнаю, краса моя.

Таких обидчиц не знавал никто другой,
И все же я тебе пою, краса моя.

О пери, хоть на миг добра к Авазу будь,
С тобой в разлуке слезы лью, краса моя.

Воскрешающим мертвых речам животворным —
хвала!
Убивающим смертных очам твоим черным —
хвала!
Все красавицы мира склонились бы ниц перед ней,
Восклидая смиренно: чертам неповторным —
хвала!
Ночь разлуки прорезал лица ее тоненький луч,
Стали горы светиться,— вершинам тем горным —
хвала!
Роза спрячется в землю, дурнушкой считая себя,
Скажет: пальме живой в одеянье узорном —
хвала!
Ты влюбленным несешь с каждым шагом обиды и
боль,
Лунолика! Мукам и горестям вздорным —
хвала!

Покрывало откинув, войдешь ты к поэту на пир, —
Скажут: верной любви, что горит жарким горном, —
хвала!

Какова у поэта душа — таковы и стихи,
Слава сердцу Аваза. Трудам стихотворным —
хвала!

МУСТАЗАД

О владычица сердца, когда я в разлуке с тобой,
Мир — тюрьма для меня,

Разразиться готовы над бедной моей головой
Громы судного дня.

Ты—Лейли, я—подобен Меджнуну в долине степной,
А кругом — западня,

Не помогут лекарства, лежу, безнадежно больной,
Злую долю кляню.

Чтоб не видели люди, приди ко мне поздней порой,
Нашу тайну храня.

Этой ночью, шалунья моя, просияй мне луной,
Красотою дразня.

Сердца дом моего в ночь разлуки разрушен бедой,
Стал добычей огня.

О свидания зодчий! Ты заново здание отстрой,
Тишиной осень.

Среброгрудая, где ты? Я счастлив, когда ты со
мной:
Жизнь ликует, звеня!

Сладкоустая, где ты? Сгораю от страсти земной
Я, разлуку виня.

Кто поможет Авазу? Вступить мне с разлукою в
бой?
Где же меч и броня?

Где ты, утро свиданья? Помилован буду ль судьбой
С наступлением дня?

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ

Чиновникам взятки нужны,
Святошам достатки нужны,
Но разве нам, беднякам,
Такие порядки нужны?

Пусть будет ночь: блеснешь зарей ты надо мною в
ночь тоски.
Мои глаза, полны тобой, поспорят с тьмою в ночь
тоски.
Покажется мне без тебя весь мир тюрьмою в ночь
тоски.
В созвездии моих надежд сияй луною в ночь тоски,
Сияй в свои пятнадцать лет, сияй в ночи—я твой
слуга.

Хотя поклонники твои, звезда, сопутствуют тебе,
Хотя соперник мой, лишен стыда, сопутствует
тебе,—
Приди: я буду рад. И пусть беда сопутствует
тебе,
Пусть даже враг заклятый мой тогда сопутствует
тебе,
Пусть все несчастья обнажат свои мечи,—я твой
слуга.

Когда я в твой покой войду, когда наступит этот
миг,
Не гневайся ты на меня, открой луноподобный лик,
Дай мне припасть к твоей красе, открой мне
радости родник!

Когда предстану пред тобой, владычицею всех
владык,
Пред тем как крикнуть: «Прочь иди!»—ты помолчи:
я твой слуга.

Не говори: «Вот жалкий раб!» Не смейся надо
мною, луна,
Скажи: «Он у меня в плену, любви душа его
полна,
Она больна, ослеплена, она покоя лишена!»
Убей, убей меня, когда ты пленника убить должна,
Подруга, тысячи камней в меня мечи: я твой слуга.

Когда-нибудь наступит день, судьба к желаньям
снизойдет.
Твоя владычица, Аваз, к твоим рыданиям
снизойдет,
Затем, что даже род людской к твоим стенаньям
снизойдет!
Проявит милость красота, к благодеяньям
снизойдет
И скажет, наконец, тебе: «Слез не точи, ты—мой
слуга».

Пока я—твой раб, и восторг излучают глаза,—
Кровавые слезы, увы, источают глаза!
И если тебя целый день не встречают глаза,
Лицо твое с родинкой не замечают глаза,—
От белого черное не отличают глаза!

К тебе, чаровница, взывает, страдая, душа,
Но тверже гранита твоя молодая душа!
Ни ласки не жди, ни привета, больная душа!
Ты станешь посмешищем света, больная душа.
Уйдем же отсюда, здесь нам ослепляют глаза.

На сердце моем, что ни день, то сильнее ожог:
Соперника любит подруга, а я одинок!
Покой потерял я, от ревности я изнемог,
Разлука давно ль началась—я сказать бы не мог:
Меж утром и ночью различья не знают глаза.

Когда б на меня, сострада, ты бросила взор!
Недуг мой тяжелый опасен, ужасен позор!
Не громом, а воплем моим огласился простор,
Не молния блещет в ночи над вершинами гор,
А искры от вздохов моих обжигают глаза.

Хочу я бежать от судьбы, от жестокой толпы,
Я к розовой сени мечтаю направить стопы,
Но ворот у розы разорван, на розе—шипы,
А в сад, где шипы не растут, не сыщу я тропы!
—Где жизни садовник?—мои вопрошают глаза.

Тебя не пугают мой стон и слеза, ветерок?
Неси же подруге любви голоса, ветерок!
Скажи ей:—сжигает безумца гроза!—ветерок,
Неси из-под ног ее пыль мне в глаза, ветерок:
Порой от пылинок таких прозревают глаза.

Подруга, взгляни на Аваза, пусть прынет стрела:
В кого ты ни целишься,—каждого ранит стрела!
Мы знаем: смертельна, а все-таки манит стрела:
Для нас, Навои, даже посохом станет стрела
Ведь посох больному слепцу заменяет глаза.

Поймет Фархад, народу близкий, и не поймет
султан,
Который отнял у народа последние права.

А я, во прахе пребывая, любовь свою храня,
Пока еще напиток страсти не горячей огня,
Бегу в пустыню, обезумев, забыв сиянье дня,
Увы, уже осенний ветер к земле пригнул меня,
И древо жизни увядает, и падает листва.

Вот мой удел: меня подруги жестокий нрав убьет.
Мое тоскующее сердце она, поправ, убьет.
Она пройдет, меня чаруя, очаровав, убьет.
Что сделает со мной разлука, чей след кровав?

Убьет!
Но я воскликну, умирая:—Моя любовь жива!

Сердца холодные смятенной печали не поймут,
Друзья—и те моей кручины вначале не поймут,
Поймут ли, что меня оковы сковали? Не поймут!
Что погибаю, что спасусь я едва ли? Не поймут!
Моя любовь уже не в силах дожидаться торжества.

О нищих богатей румяный не ведает забот.
Он о голодных, вечно пьяный, не ведает забот.
Аваз! Богач живет обманом, не ведает забот.
Увы, о бедняках султаны не ведают забот—
И ты, о Навои, надейся на милость божества.

Вновь душа моя счастья полна: хорошо, что
пришли вы!
Пусть лишатся соперники сна: хорошо, что пришли
вы!
Расступилась разлуки стена: хорошо, что пришли
вы!
Мне вселенная стала ясна: хорошо, что пришли вы!
Вы пришли, вы пришли, о луна,—хорошо, что
пришли вы!

Чтобы втайне любовь сохранить от врага и от
друга,
Чтобы жалость ко мне проявить, исцелить от
недуга,
Чтобы вопли мои прекратить, чтоб сияла лачуга,
Чтобы лаской меня наградить, дорогая подруга,
Вы пришли, вы пришли, о луна,—хорошо, что
пришли вы!

Чтобы к бедным влюбленным судьба справедливою
стала,
Чтобы жертва не ведела мук и счастливою стала,
Чтоб, восстав из развалин, душа вновь красивою
стала,
Чтоб разлуки не знала любовь и правдивою стала,
Вы пришли, вы пришли, о луна,—хорошо, что
пришли вы!

Громко плачут влюбленные в вас:—Мы умрем в
этот вечер!
Разве странно, что каждый поет соловьем в этот
вечер?
Мнится мне, что кружусь я в цветущем золотом в
этот вечер!
На земле, кроме нас, никого: мы вдвоем в этот
вечер!
Вы пришли, вы пришли, о луна,—хорошо, что
пришли вы!

А, быть может, затем, чтоб стократ пленник стал
опаленным,
Чтобы крыльев лишился навек тот, кто был
окрыленным,
О, мой кравчий, быть может, затем, чтоб я стал
опьяненным,

Для того, чтоб смятенным я стал, чтоб упал я
со стоном,
Вы пришли, вы пришли, о луна. Хорошо, что
пришли вы!

Что мне чаша Джамшида, увы, если нету вас
рядом?
Из джамшидовой чаши вино мне покажется ядом!
Любоваться подругой—к иным не стремлюсь я
наградам!

Озаряя лачугу мою упоительным взглядом,
Вы пришли, вы пришли, о луна,—хорошо, что
пришли вы!

Как я счастлив: в желаньях своих я не знаю
отказа!

Та, что сделала явной любовь, блещет ярче алмаза.
Даже пыль под ногами ее—исцеленье для глаза!
Вы пришли, покрывало подняв, вдохновляя Аваза,
Вы пришли, вы пришли, о луна,—хорошо, что
пришли вы!

Разве странно, что сделалась ты надо мною
владыкой?
Нет подобной тебе на земле, нет такой луноликой!
Я готов твои взоры сравнить со стрелой или
пикой,
Ты пронзаешь сердца, ты грозишь им бедою
великой,
Ибо силы полна колдовской. Но какой?
Сокровенной!
Как ты мучить умеешь меня, то правдива, то
лжива,
А не хочешь взглянуть на меня, то грустна, то
игрива,
То упреков полна, то нежна, то груба, то учтива,
Все же всех ты на свете милей, потому что красива,
И ты знаешь какой красотой? Красотой
вдохновенной!

Пусть мне трудно, больному, с тобой,—мне
страдания любви.

У тебя, как нарциссы, глаза. Нет, глаза—
душегубы!

С гиацинтами кудри сравню и с кораллами—губы.
Даже слово простое, когда я хвалю твои зубы,
Превращается в жемчуг порой. Но какой?
Драгоценный!

Совершили и боль и тоска на меня нападение.
От жестокости пери моей убежал я в смятенье,
Но помчались за мной по пятам и беда и мученье,
Был достигнут я войском любви, потерпел
поражение,
Я—в пустыне, и мрак—спутник мой. Но какой?
Неизменный!

Где защиту могу я найти от ресниц твоих длинных?
Как могу, ты скажи мне, уйти от ресниц твоих
длинных,
Если тени—на каждом пути от ресниц твоих
длинных?
Не надеюсь я сердце спасти от ресниц твоих
длинных,
Что затмили кинжал остротой! Но какой?
Дерзновенной!

Я не в силах терпеть, мой кумир, твоего
лицемерья.
Ты, шалунья, толкаешь меня прямо в бездну
неверья.
Ты влечешь меня в небытие, умираю теперь я,
Ты вонзаешь в меня сотни стрел, эти стрелы — как
перья
Анка, птицы страны неземной. Но какой?
Совершенной!

Почему же несчастный Аваз так наказан судьбою?
Ты его навести хоть бы раз,—гостьей стань
дорогою!
О тебе сладкоустый Мунис говорил с похвалою,
И венцу уподобил он пыль под твоею стопою,
А венец этот знаешь какой? Властелина вселенной!

Когда небесный рисовальщик явил долине образ
твой,
Он создал из прекрасных красок и чистых линий
образ твой,
Чтобы меня привел в смятенье, привел в унынье
образ твой.
Беда, беда, моя шалунья: светлей святыни образ
твой!
Я сердце потерял и разум: ищу, в кручине, образ
твой.

Сто тысяч разочарований, сто тысяч тягот—мой
удел,
Затем что встретиться с тобою, красавица, я захотел.
Вступил я в ночь разлуки черной, в ее губительный
предел,
Где новую обрел я душу, в другую плоть ее одел,
Но верю я: исполнен света и благостыни образ твой.

Иль вправду миру ты открыла красы божественной
родник,
Что люди толпами стремятся взглянуть на твой
желанный лик?
Я тоже в той толпе несметной, как все, к стопам
твоим приник,
Я тоже на тебя, безумный, взглянул—и в этот
самый миг
Я стал бесплотно картиной, а на картине—образ
твой.

Когда твое изображение в своих стихах я узнаю,
Я падаю в изнеможенье, как бы стремясь к небытию,
Но, что, скажи, со мною будет, когда я окажусь
в раю
Когда я наяву, шалунья, увижу родинку твою?
С ума сойду, меня заставит блуждать в пустыне
образ твой!

Я—знаю: не было и прежде твоим поклонникам
числа,
Но чья любовь с моей сравнится? Она чиста, она
светла!
О сонм влюбленных, мы безумны,—безумью
нашему хвала!
Я, слабый, к жизни возродился, когда ты предо
мною прошла,
И я, поверь, своей душою зову отныне образ твой.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Амбра — благовоние.

Анка — мифическая птица — феникс, живущая на краю мира на горах Каф.

Газель — стихотворение, имеющее единую рифму в первой и во всех четных строках.

Джам, Джамшид — мифический царь древнего Ирана, обладавший, по преданию, кубком, в котором отражались все события мира.

Диванá — юродивый, одержимый.

Казий — судья, судивший по законам шариата.

Лейли — героиня популярного сказания, возлюбленная Меджнуна.

Меджнун — юноша, одержимый любовью к Лейли.

Мунис — хорезмийский поэт первой трети XIX в.

Муस्ताзад — особая форма стихотворения, где нечетные строки, имеющие по четырнадцать слогов, рифмуются по типу газели, а четные строки, имеющие по шесть слогов, рифмуются между собой.

Муфтий — толкователь шариата.

Мухаммас — стихотворение из пятистиший, в котором все строки первой строфы и пятые строки последующих строф имеют единую рифму, а первые четыре строки всех строф, начиная со второй, имеют свою особую рифму.

Огехи — хорезмийский поэт.

Пери — фея.

Райхон — благовонная трава, базилик.

Саз — струнный музыкальный инструмент.

Табиби — хорезмийский поэт, современник Аваза.

Танбур — струнный музыкальный инструмент.

Фархад — легендарный каменотес, герой поэмы **Навои**
«Фархад и Ширин», возлюбленный Ширин.

Шамшад — порода дерева, кавказская пальма.

Ширин — героиня восточных сказаний и поэм, возлюбленная Фархада.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Аваз Отар <i>А. Бабаджанов</i>	7
Г а з е л и	
Кто на земле несчастней нас. . . Перевод <i>С. Липкина</i>	17
Да здравствует свобода. . . Перевод <i>С. Липкина</i>	19
„Бог — гроза несправедливых“. . . Перевод <i>С. Липкина</i>	21
О вы, что темный фанатизм своим законом сделали!	
Перевод <i>С. Липкина</i>	22
О языке, Перевод <i>С. Липкина</i>	23
Школы. Перевод <i>С. Липкина</i>	24
Когда народ познает счастье. . . Перевод <i>С. Липкина</i>	25
Неужели твоя подруга молодая тебе не нужна?	
Перевод <i>С. Липкина</i>	26
Ужасные настали времена. . . Перевод <i>С. Липкина</i> . . .	28
Ушло, исчезло столько трудных лет. . . Перевод	
<i>С. Липкина</i>	29
Полюбить благородных. . . Перевод <i>С. Липкина</i>	30
Если славою дурною человека наградят...	
Перевод <i>С. Липкина</i>	31
Увы, мой брат, не вечен этот мир... Перевод <i>С. Липкина</i>	33
Когда, красавица, с другими ищешь встреч...	
Перевод <i>С. Липкина</i>	34
Ты скажи: твои губы—цветник?... Перевод <i>С. Липкина</i>	35
Похитительницей сердца я пленен и ослеплен...	
Перевод <i>С. Липкина</i>	37

Вселенной урожай таков... Перевод <i>С. Липкина</i>	39
Разлука — знаю я заране — меня убьет...	
Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	41
Не знало сердце... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	42
Едва лишь возьмет она в руки танбур...	
Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	44
Принеси мне, вестник... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	45
Эй, громче ударив по струнам... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	46
Подруга юная моя... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	48
Одной капризницы довольно... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	50
О, лучше б не был никогда... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	52
Когда подруга... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	53
Своих терзаний не таю... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	55
Воскрешающим мертвых... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	56
Мустазад. Перевод <i>С. Липкина</i>	58
Четверостишие. Перевод <i>С. Липкина</i>	60

Мухаммасы

Смеясь, ты сыплешь жемчуга... Перевод <i>С. Липкина</i>	63
Пока я — твой раб... Перевод <i>С. Липкина</i>	66
В сердцах людей неблагородных... Перевод <i>С. Липкина</i>	68
Вновь душа моя счастья полна... Перевод <i>С. Липкина</i>	70
Разве странно... Перевод <i>С. Липкина</i>	73
Когда небесный рисовальщик... Перевод <i>С. Липкина</i>	76
Пояснительный словарь	79

Ответственный редактор С. И. Лиходзиевский
Художник А. К. Ошейко
Технический редактор А. Т. Шепельков

* * *

P05838. Подписано к печати 27/VII-51 г.
Бумага $70 \times 108 \frac{1}{32}$ = 1,31 бумажных
3,4 печатных листа. Уч.-издат. 3,5
Тираж 5000. Цена 2 руб. 50 коп.
Переплет 1 руб. 50 коп.

* * *

Типография Издательства Академии Наук.
Заказ 1023. Ташкент, 1951 г.

*